

*Посвящаю этот труд светлой памяти моих родителей
Сергея Дмитриевича и Елены Васильевны Коробовых*

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха раннего Средневековья оставила богатейшее наследие для археологов Западной и Восточной Европы. Однако большинство материалов, рассматриваемых археологами как на Западе, так и на Востоке, были обнаружены в многочисленных могильниках. Систематическое археологическое исследование раннесредневековых поселений началось на десятилетия позже погребальных древностей, и утверждение о недостаточной изученности поселенческих материалов стало уже общим местом в обзорных работах, посвященных изучению данного периода [см., например, Hedeager, 1992, p. 21; Fingerlin, 1997, p. 125; Hamerow, 2002, p. VII, 10–11; Wickham, 2005, p. 442, 495].

Одним из главных достижений, признающихся за советской археологией, в том числе и западными археологами [Trigger, 1989, p. 242], было внимание к поселенческой археологии, уделявшееся уже с начала 1930-х гг. Дискуссии о предмете и задачах археологической науки 1930–1934 гг. привели к оформлению нового социологического направления, которое призывало изучать в марксистском духе историю материальной культуры и материального производства. Это дало толчок к широкомасштабным раскопкам на поселениях разных эпох и культур, целью которых было получение данных для изучения стадийного развития человеческого общества [Генинг, 1982, гл. IV]. Стимулирующим фактором было включение полевой археологии в систему планового народного хозяйства СССР и возникновение первых новостроечных экспедиций в конце 1920-х — начале 1930-х гг. [Генинг, 1982, с. 200; Смирнов, 2004, с. 11–12]. Оставляя за рамками идеологические корни данного явления [об этом см. Клейн, 1993], можно констатировать тот факт, что в советской и позже в российской археологии к рубежу тысячелетий был накоплен значительный археологический материал с поселений, распределение которого по эпохам и культурам носит все же весьма неравномерный характер.

Предлагаемое читателю исследование является, по сути, первой попыткой детально рассмотреть эволюцию системы расселения аланского населения Центрального Предкавказья на протяжении I тыс. н.э. на основе использования методов пространственного ГИС-анализа и ландшафтной археологии (Landscape Archaeology) — мультидисциплинарного подхода, изучающего разные аспекты взаимодействия человека и среды его обитания. В последнее время появилось немало исследований в этом ключе, направленных на изучение системы расселения и хозяйствования средневекового населения в разных регионах России. Однако адаптация и применение методов, связанных с использованием географо-информационных систем (ГИС) в археологии ландшафта, по-прежнему является редкостью как в России, так и в странах ближнего зарубежья. Это делает настоящее исследование в высшей степени актуальным для отечественной поселенческой археологии.

Говоря о расселении аланских племен в границах Центрального Предкавказья в I тыс. н.э., следует обратить внимание на Кисловодскую котловину, которая является одним из интереснейших районов Северного Кавказа в археологическом отношении. Причина кроется в том, что, в отличие от других уголков Кавказа, где в суровых горных условиях люди вынуждены были постоянно использовать одни и те же ландшафты, начиная с первобытности и заканчивая серединой XIX в., а иногда и в наши дни, количество населения в Кисловодской котловине постоянно то увеличивалось, то уменьшалось,

вплоть до практически полного его исчезновения. Последний период низкой демографии здесь приходится на XIV–XVIII вв., когда незадолго до основания Кисловодской крепости в 1803 г. население в регионе было чрезвычайно редким, тогда как в других горных районах плотность населения, напротив, в это время сильно возрастает [Кузнецов, 1992, с. 339]. Свидетельства слабой заселенности котловины оставлены в середине XVII в. турецким путешественником Эвлией Челеби, в начале XIX в. они фиксируются в описательном труде С. М. Броневского [Челеби, 1979, с. 90–91; Броневский, 2004, с. 127, 144; Афанасьев и др., 2004, с. 69].

Трудно назвать причины этого явления, но последствия его для памятников археологии оказались весьма благоприятными. Другим фактором, способствующим сохранности древних ландшафтов и объектов, является хозяйственное использование данной территории для регулярных выпасов и сенокосов [Шаманов, 1972, с. 72] и отсутствие развитого земледелия практически на всем изучаемом пространстве в Новое и Новейшее время. В результате пострадали от выборки камня расположенные вблизи от строящегося города каменные крепости, а также многочисленные курганные группы, подвергавшиеся варварскому разграблению, в особенности в течение последних пятнадцати лет. Удаленные же от территории современной застройки поселенческие объекты, а также участки древнего земледелия разных форм сохранились до нас в неприкосновенности, что позволяет до сих пор выявлять в этом своеобразном археологическом заповеднике совершенно новые структуры, такие как, например, открытые недавно автором поселения с симметричной планировкой эпохи позднего бронзового века, ставшие предметом специального изучения для С. Райнхольд и А. Б. Белинского [Reinhold et al., 2007; Коробов, Райнхольд, 2008; Белинский и др., 2009].

Еще одна причина заставляет исследователей постоянно обращаться к материалам Кисловодской котловины — это ее уникальная степень изученности по сравнению с другими районами Северного Кавказа. История археологического изучения окрестностей Кисловодска насчитывает более 150 лет. Этой теме посвящены многие работы, прежде всего написанные С. Н. Савенко, в одной из которых собрана максимально полная информация об истории археологического изучения Кисловодской котловины [Афанасьев и др., 2004, с. 9–49].

В начале 1990-х гг. в Ставропольском крае проходила масштабная инвентаризация памятников археологии в рамках специальной общероссийской федеральной программы [Там же, С. 45]. Эти работы заложили основу для начала принципиально нового проекта по созданию первой в России археолого-географической информационной системы (АГИС) «Кисловодск», который осуществлялся в ИА РАН под руководством Г. Е. Афанасьева. В рамках проекта в 1996–2000 гг. в ходе полевых работ нами было обследовано и зафиксировано с помощью приемников глобального спутникового позиционирования (GPS) около 800 археологических памятников разных эпох. Предварительная информация об археологических памятниках в сочетании с краткой справкой об истории их изучения вошли в свод древностей Кисловодской котловины [Афанасьев и др., 2004]. Основное количество памятников было зафиксировано авторами свода к 2000 г., когда была завершена рекогносцировочная разведка в регионе.

Начиная с 2001 г. ведется работа над более детальным изучением раннесредневековых укрепленных поселений котловины и их хозяйственной округи, которая продолжается по сей день [Афанасьев и др., 2002, с. 68–73; Афанасьев и др., 2004, с. 71–77; Коробов, 2010б; 2012б; 2013г; Коробов и др., 2012; Коробов, 2012а]. В 2004–2008 гг. к этим исследованиям присоединилась С. Райнхольд (Германский археологический институт), совместно с которой изучались поселения с симметричной планировкой кобанской культуры, открытые на южной периферии Кисловодской котловины. Эти исследования продолжались до 2015 г. коллективом ученых из Ставрополя и Берлина [Reinhold et al., 2007; Белинский и др., 2009]. С 2005 г. к изучению древностей Кисловодской котловины подключился А. В. Борисов (ИФХиБПП РАН, г. Пущино), заложивший основы нового комплексного подхода к почвенно-археологическому изучению следов древнего и средневекового земледелия [Борисов, Коробов, 2009; 2013; Коробов, Борисов, 2011; 2012; Korobov, Borisov, 2013].

Таким образом, ключевым регионом для изучения системы расселения алан в Центральном Предкавказье в I тыс. н.э. является Кисловодская котловина, систематическое и целенаправленное изучение которой предоставило уникальную возможность для комплексного анализа археологических, археоботанических, археозоологических материалов и данных палеопочвоведения с более чем 300 раннесредневековых поселений. Поселения алан, выявленные на территории Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, исследованы в меньшей степени,

их материалы используются для сравнения. Привлечены также данные многочисленных катакомбных могильников, исследованных на всей территории Предкавказья, преимущественно в центральной его части.

Хронологические рамки исследования определены I тыс. н.э. — от эпохи, предшествующей Великому переселению народов, до момента образования у алан во второй половине X в. ранней государственности — Аланского царства. Таким образом, фактически рассматриваются два крупных периода: *ранний этап аланской культуры (II–IV вв. н.э.)* и *аланская культура эпохи раннего Средневековья (V–VIII вв. н.э.)*. Памятники второй половины VIII — IX в., связываемые с аланской культурой, по мнению части исследователей, в том числе и моему, на территории микрорегиона отсутствуют, хотя с этим утверждением соглашаются не все ученые. Для установления хода эволюции системы расселения привлекаются материалы *государственного периода в развитии аланской культуры (X–XIII вв.)*, но они не являются специальной темой рассмотрения в настоящей работе.

Работа основывается на археологических источниках с привлечением данных этнографии и письменных свидетельств древних авторов, а также современных работ, обобщающих результаты исследования систем расселения раннесредневекового населения Европы. Основную источниковедческую базу исследования составили авторские полевые работы в Кисловодской котловине. Письменные источники представлены прежде всего анализом «Армянской географии VII в.» («Аш-харацуйц»), содержащей ценную информацию об этнокультурной ситуации на Северном Кавказе в рассматриваемое время, а также сведениями европейских хроник и сводов законов, освещающих особенности формирования раннесредневековых племенных королевств на Северо-Западе Европы. Для правильного понимания изучаемого материала были учтены сведения кавказской и европейской этнографии, посвященные системе расселения и хозяйствования в горной зоне.

Таким образом, настоящее исследование направлено на изучение системы расселения аланских племен Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. как отражения адаптации раннесредневековых социальных общностей в условиях горного ландшафта. Оно имеет также особые задачи по использованию методов геоинформатики в археологии. Отсюда вытекает методическое своеобразие работы, основанное на широком применении методов ГИС в сочетании с мультидисциплинарными исследованиями поселений I тыс. н.э., в которых используются как собственно археологические методы, так и методы почвоведения, археозоологии, палеоботаники и др.

Исходя из поставленных задач строится структура предлагаемого труда, состоящего из двух томов. Том 1 включает пять глав: историографический обзор основных этапов изменения теоретико-методических подходов к изучению поселений эпохи раннего Средневековья на Юге России и за рубежом; рассмотрение методики исследования и общей характеристики изучаемого микрорегиона; описание рассматриваемых поселений; результаты пространственного ГИС-моделирования ресурсных зон вокруг поселений Кисловодской котловины и заключительные выводы об эволюции системы расселения алан в рассматриваемом регионе в I — нач. II тыс. н.э. Том 2 представляет собой каталог поселений Кисловодской котловины I тыс. н.э., сопровождаемый таблицами иллюстраций*: топографических планов, фотографий, рисунков находок, составляющих источниковую базу по рассматриваемой теме.

Автор считает своим долгом поблагодарить за ценные советы и рекомендации, а также за возможность использования программного обеспечения, специально созданных модулей, картографической информации и данных дистанционного зондирования Г.Е. Афанасьева (ИА РАН, г. Москва), за доступ к картографическим материалам, космо- и аэрофотоснимкам — А.Б. Белинского и А.А. Довгалева (ОАО «Наследие», г. Ставрополь). Выражаю глубокую благодарность за оказанное содействие в полевом обследовании памятников Кисловодской котловины местным археологам г. Кисловодска С.Н. Савенко, Я.Б. Березину, К.М. Магомедову и Н.Н. Климову, а также С. Райнхольд (Евразийский отдел Германского археологического института, г. Берлин) и всем сотрудникам Кисловодской археологической экспедиции ИА РАН, работавшим с автором в 1996–2014 гг. Выражаю глубокую благодарность специалистам в области археологической геофизики: С.В. Меркулову (ИЗМИРАН, г. Троицк Московской обл.), Й. Фассбиндери (Управление по охране памятников культуры земли

* Во избежание путаницы в текстовой части даются ссылки на табличные данные в виде: таблица 1, на таблицы иллюстраций в каталоге — табл. 1.

Баварии, г. Мюнхен, Германия) и В. Г. Бездудному (г. Ростов-на-Дону); в области почвенно-археологических исследований: А. В. Борисову, О. Г. Заниной и Е. В. Чернышевой (ИФХиБПП РАН, г. Пущино), а также С. Петерс (Университет Фракфурта-на-Майне, Германия); инженерной геологии — О. Е. Вязковой (МГРА, г. Москва); археозоологии — Е. Е. Антипиной и карпологии — Е. Ю. Лебедевой (ИА РАН). Благодарю также В. Ю. Малашева (ИА РАН) за ценные консультации по датировке керамических фрагментов и металлических предметов и М. М. Казанского (CNRS, г. Кан, Франция) за помощь в доступе к некоторой зарубежной литературе. Глубокую благодарность я выражаю директору Евразийского отдела Германского археологического института проф. С. Хансену за предоставленную возможность работы в библиотеках Евразийского отдела, Римско-Германской Комиссии и Комиссии по изучению неевропейский культур Германского археологического института, а также в содействии в определении радиоуглеродного возраста некоторых образцов. Помимо автора, в подготовке чертежей и рисунков керамики и других находок принимали участие Д. С. Богачук, В. В. Бубликов, К. С. Булатникова, А. М. Ефремова, Е. П. Зоц, И. В. Рукавишникова и Н. Д. Угулава, которым я также выражаю искреннюю признательность.

ГЛАВА 1

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗМЕНЕНИЯ
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ИЗУЧЕНИЮ ПОСЕЛЕНИЙ I тыс. н. э.
НА ЮГЕ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

В предлагаемой вниманию читателей работе речь пойдет об эволюции системы расселения носителей аланской культуры, занимавших в течение I тыс. н. э. Центральное Предкавказье. Ключевым для изучения данной темы является один из уникальных микрорегионов Северного Кавказа — Кисловодская котловина, ставшая своеобразным полигоном в отработке и применении нового подхода к изучению поселенческих древностей раннего Средневековья в рамках ландшафтной археологии (рис. 1, 1). Поэтому представляется важным начать изложение с историографического обзора, посвященного развитию взглядов на поселенческую археологию эпохи раннего Средневековья на Юге России. Разумеется, в рамках данной работы невозможно полно охарактеризовать развитие средневековой поселенческой археологии на столь широкой территории, охватывающей к тому же несколько крупных ландшафтных зон (лесостепную, степную и предгорную/горную зоны). Поэтому я остановлюсь на наиболее изученных средневековых поселенческих памятниках рассматриваемого региона. Это, прежде всего, территория предгорий Северного Кавказа, где располагаются памятники I тыс. н. э., связываемые с аланскими племенами, и лежащая от них в 1000 км к северу территория степи и лесостепи между Волгой и Доном, где в VIII–X вв. находились древности салтово-маяцкой культуры, генетически связываемой с северокавказским регионом (рис. 1, 2, 3).

Как и в отечественной историографии, в европейской археологической литературе проблемы поселенческой археологии эпохи раннего Средневековья поднимаются относительно недавно, с 1930-х гг., а количество работ, освещающих материалы поселений, намного меньше публикаций, рассматривающих погребальные памятники этой эпохи [Halsall, 2005, p. 76]. Тем не менее поверхностное знакомство с зарубежной литературой показывает неизменно растущий интерес к раннесредневековым поселениям и связанным с их изучением проблемам расселения и использования в хозяйственных целях окружающих ландшафтов, в особенности в последние двадцать-тридцать лет. Поэтому достаточно сложно ориентироваться в весьма большом количестве публикаций на эту тему, тем более что далеко не все материалы пригодны для сопоставления с используемыми в данной работе. Исходя из задач исследования, мною в первую очередь рассматривались поселенческие материалы из горных областей Европы (Швейцария, Северная Италия, Юго-Западная Германия, Южная Франция), где ландшафтные условия существования поселений относительно близки к условиям Кисловодской котловины.

Однако при знакомстве с особенностями поселений альпийского региона становится очевидным существенное влияние на систему расселения варварских народов, которое оказала Римская империя на позднем этапе своего существования. В результате этого мощного влияния варварское население включается в прекрасно организованную инфраструктуру, которая продолжает свое существование позднее, в эпоху Великого переселения народов и в меровингское время, что делает данные с подобных поселений малоприменимыми для сравнения.

Гораздо больший интерес представляют материалы с поселений варваров Северо-Западной Европы, территория которой не была подвержена нивелирующему воздействию римской цивилизации (Северная Германия, Нидерланды, Скандинавия, Ирландия) или была затронута ею в наименьшей

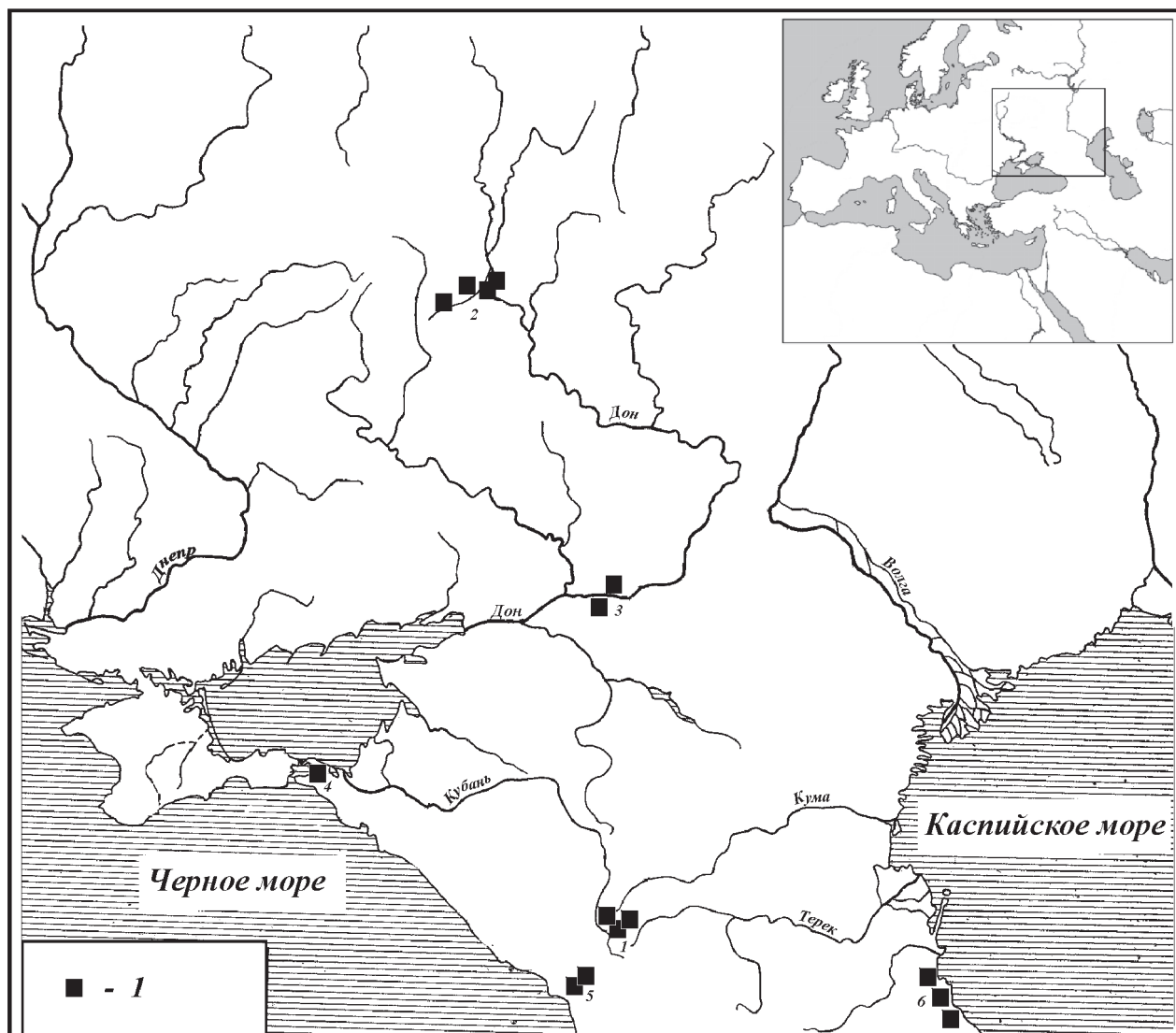

Рис. 1. Основные поселенческие памятники Юга России, упоминаемые в тексте: 1 — Кисловодская котловина; 2 — лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры; 3 — крепость Саркел и Правобережное Цимлянское городище; 4 — поселения Таманского полуострова; 5 — крепости бассейна р. Мзымты; 6 — городища Приморского Дагестана

степени (Англия) и где сохранились присущие германским и кельтским народам особенности в организации поселений и в системе расселения. Эти материалы также активно используются для сопоставления с данными о поселениях Кисловодской котловины и поиска их места в системе поселенческих древностей раннесредневековой Европы.

Следует сразу отметить, что сам процесс изучения поселенческих древностей претерпел несколько основных этапов в своем развитии, характерных в целом для истории археологической мысли XX — начала XXI в., как в СССР и позже в России, так и за рубежом. Можно выделить несколько основных направлений, которые частично совпадают с общим поступательным развитием археологической теории, но представляют собой, по мнению Л.С. Клейна, скорее последовательно возникшие крупные научные школы, нежели хронологические этапы развития науки [Клейн, 2011, т. 2, с. 474–477]. Представляется возможным выделить четыре подобных направления в изучении поселений раннего Средневековья, связанных с тремя основными методологическими подходами к процедуре археологического исследования [Клейн, 2004, с. 381–386]:

1) культурно-историческое направление, к которому относится большинство исследователей средневековых поселений и для которого характерна традиционная индуктивная манера постепенного накопления полевого материала и обобщения его в виде крупных работ, посвященных историческим реконструкциям системы расселения разных народов Средневековья;

2) «школа пространственного анализа», возникшая в рамках «новой археологии» на рубеже 1960-х и 1970-х гг., для которой характерна дедуктивная процедура формирования гипотезы и ее последующей проверки, в том числе полевыми материалами;

3) палеоэкономическое направление, возникшее в начале 1970-х гг. в недрах ранее оформившейся экологической («энвайронменталистской» по Л.С. Клейну) школы [Клейн, 2011, т. 1, с. 528–547], где также в основном используются дедуктивные процедуры археологического исследования;

4) возникшая в качестве развития экологической школы ландшафтная археология как особый мультидисциплинарный подход к изучению взаимодействия человека с окружающей средой, адептами которого с середины 1980-х гг. используются различные процедуры, в основном проблемно-установочного характера, заимствованные или адаптированные из естественных наук.

За рамками настоящего обзора остается постпроцессуальный подход к изучению поселений и ландшафтов, например феноменологическое направление, отрицающее в принципе возможность поиска закономерностей в особенностях пространственного размещения памятника и провозглашающее уникальность любого ландшафта [Tilley, 1994; 2008; Клейн, 2011, т. 2, с. 345]. Мне неизвестны работы подобного рода, посвященные поселениям Средневековья, что находит свое объяснение в литературе — феноменологи предпочитают заниматься интерпретацией первобытных древностей, поскольку здесь их «полет фантазии» не наталкивается на противоречия, которые возникают при ознакомлении с другими, не археологическими, источниками знаний, коими избобилуют исторические эпохи [Praetzellis, 2015, p. 151]. Следует отметить, что подобный подход вызывает справедливую критику у исследователей [Bintliff, 1993; Fleming, 2006; Клейн, 2011, т. 2, с. 375–381], о чем будет сказано ниже.

1.1. Культурно-историческое направление в изучении поселений I тыс. н.э. на Юге России и за рубежом

1.1.1. Начало изучения средневековых поселений в СССР. Поселения салтово-маяцкой культуры

Первые работы, направленные на комплексное изучение поселений на Северном Кавказе, были организованы ленинградской Северокавказской экспедицией под руководством А.А. Миллера, созданной в 1923 г. Основную задачу ее сотрудники видели в планомерном изучении поселений разных эпох и культур, их выявлении, первичном описании, систематизации, за которыми должны были последовать полевое исследование, датировка, определение ареалов с учетом геоморфологии и вертикальной зональности, периодизация и изучение истории и хозяйства древнего населения. Северокавказская экспедиция просуществовала около 10 лет и стала школой для выдающихся археологов-кавказоведов М.И. Артамонова, А.А. Иессена, А.П. Круглова, Б.Б. Пиотровского и др. К сожалению, ее руководитель, профессор А.А. Миллер, был арестован и умер 12 января 1935 г. в Карлаге [Формозов, 1998, с. 198]; некоторые ученые погибли на фронтах Второй мировой войны (А.П. Круглов) и в блокадном Ленинграде (Г.В. Подгаецкий). Так систематическое археологическое изучение северокавказских поселений, едва начавшись, прервалось на долгие годы [Ковалевская, 1995, с. 13].

В то же время начинается широкомасштабное изучение средневековых поселений в междуречье Волги и Дона, связанное со строительством крупных ГЭС и водохранилищ. Разведки ученика А.А. Миллера — М.И. Артамонова в районе строительства Цимлянского водохранилища в 1920–1930-х гг. привели к открытию интереснейших памятников VIII–X вв. Некоторые из них были раскопаны в предвоенные и первые послевоенные годы. Это, прежде всего, знаменитый Саркел — уникальная для данного региона крепость с кирпичными стенами, построенная в начале IX в. под руководством византийского инженера Петроны Каматира, о чем повествует Константин Багрянородный. В течение 1934–1936 и 1949–1951 гг. М.И. Артамонову удалось раскопать более трети этого памятника, в настоящее время лежащего на дне водохранилища (рис. 1, 3; 2, 1). Результаты этих раскопок были опубликованы в серии трудов [например, Артамонов, 1958], а исследование слоев эпохи раннего Средневековья обобщено 20 лет назад последовательницей М.И. Артамонова — С.А. Плетневой (1996).

Волго-Донская экспедиция вела также поиск и изучение других, менее презентабельных поселений этого периода. Так, начиная с 1939 г. и по начало 1950-х гг., за исключением военных лет,

на Среднем и Нижнем Дону проводил разведки И. И. Ляпушкин, в ходе которых было обследовано около 20 поселений, раскопано 5 построек, сделано два разреза на валах городищ. Эти материалы были обобщены в работе 1958 г. [Ляпушкин, 1958; Афанасьев, 1993, с. 13]. Работы М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина положили начало систематическому изучению поселений яркой и самобытной культуры, получившей название «салтовской» или «салтово-маяцкой» по имени первых памятников, открытых еще на рубеже XIX–XX вв.: Салтовского могильника и Маяцкого городища (рис. 2, 6). Первые работы, посвященные характеристике этой культуры, связывают ее происхождение с местными племенами — обитателями южнорусских степей, потомками сармато-аланов [Готье, 1927; Артамонов, 1940, с. 159–163; Мерперт, 1951]. Позднее И. И. Ляпушкин обосновал концепцию двух этнических вариантов данной культуры — северного (лесостепного), связываемого с аланскими племенами, переселившимися в середине VIII в. н.э. с Северного Кавказа, и южного (степного) — приписываемого праболгарским племенам [Ляпушкин, 1958, с. 144–148]. В дальнейшем полиэтничность этой культуры наиболее последовательно отстаивалась С. А. Плетневой, считавшей салтово-маяцкую культуру государственной культурой разнообразных племен, населявших Хазарский каганат [Плетнева, 1999, с. 7–23, 207]. Критику этих этнических интерпретаций и современную точку зрения на формирование салтово-маяцкой культуры можно найти в работах Г. Е. Афанасьева [2001, с. 42–46].

Дальнейшее изучение поселений салтово-маяцкой культуры связано с полевыми исследованиями С. А. Плетневой, которая начиная с середины 1950-х и до начала 1980-х гг. проводила систематические разведки и раскопки данных памятников. Результаты этих работ были обобщены в серии авторских монографий [Плетнева, 1967; 1981; 1989; 1999]. Наиболее подробно концепция С. А. Плетневой изложена в работе 1967 г., в которой автор оперирует материалами с 75 поселений и могильников салтово-маяцкой культуры, где было раскопано около 1 тыс. кв. м площади и исследовано 18 построек [Афанасьев, 1993, с. 13]. Она исходит из взгляда М. И. Артамонова на салтово-маяцкую культуру как на культуру кочевого населения Волго-Донских степей, постепенно оседавшего на землю [Плетнева, 1967, с. 5]. Этот априорный тезис влияет на классификацию поселений и жилищ, приводимую автором, цель которой — наглядно продемонстрировать процесс этого оседания. Так, С. А. Плетнева выделяет два типа временных поселений-стойбищ, обнаруженных в нижнем течении Дона по небольшому количеству подъемного материала — керамики и костей животных. Первый тип связывается с обширными временными поселениями кочевников-скотоводов, проживающими так называемым «курненным» способом (крупными родовыми коллективами), второй — с относительно небольшими временными стойбищами айльного типа (коллективы меньших размеров, возглавляемые представителями одной более влиятельной и богатой семьи). Декларируется постепенный переход от первой формы кочевого поселения ко второй [Там же. С. 18–19].

Следующий тип поселений салтовской культуры по С. А. Плетневой — это долговременные неукрепленные поселения-селища. Классифицируя эти места обитания по размерам на более и менее крупные, автор видит в этом продолжение традиции проживания курненным или айльным укладом кочевников, постепенно переходящих к оседлости [Там же. С. 19–22]. Далее рассматриваются городища с земляными укреплениями (рис. 2, 2), в которых автор видит первые феодальные замки «салтовцев», уже перешедших к оседлому образу жизни. Более развитой формой подобных замков выделившейся феодальной знати являются каменные крепости-замки, существующие с земляными. С. А. Плетнева выделяет несколько типов этих крепостей, некоторые из которых были, по ее мнению, построены с применением древнеболгарских и закавказских архитектурных традиций (Маяцкое и Правобережное Цимлянское) [Там же. С. 22–44]. Наконец, высшей формой оседания на землю становится проживание в городах, выросших из феодальных замков или возрожденных на месте более древних античных поселений. К первому типу относятся упоминаемая выше крепость Саркел, а также известные исключительно по письменным источникам хазарские города Итиль и Семендер. Вторым типом городов известен по археологическим раскопкам средневековых слоев VIII–X вв. на таких памятниках, как Фанагория, Таматарха, Керчь и др. [Там же. С. 44–50].

Сходная аргументация выстраивается и при характеристике 18 построек, рассматриваемых в работе. Они делятся на юрты (наземные и углубленные), полуземлянки и наземные жилища. В рассматриваемых типах автору видится постепенная эволюция жилища кочевников, перенимающих у оседлого населения навыки оседлого образа жизни [Там же. С. 51–70].

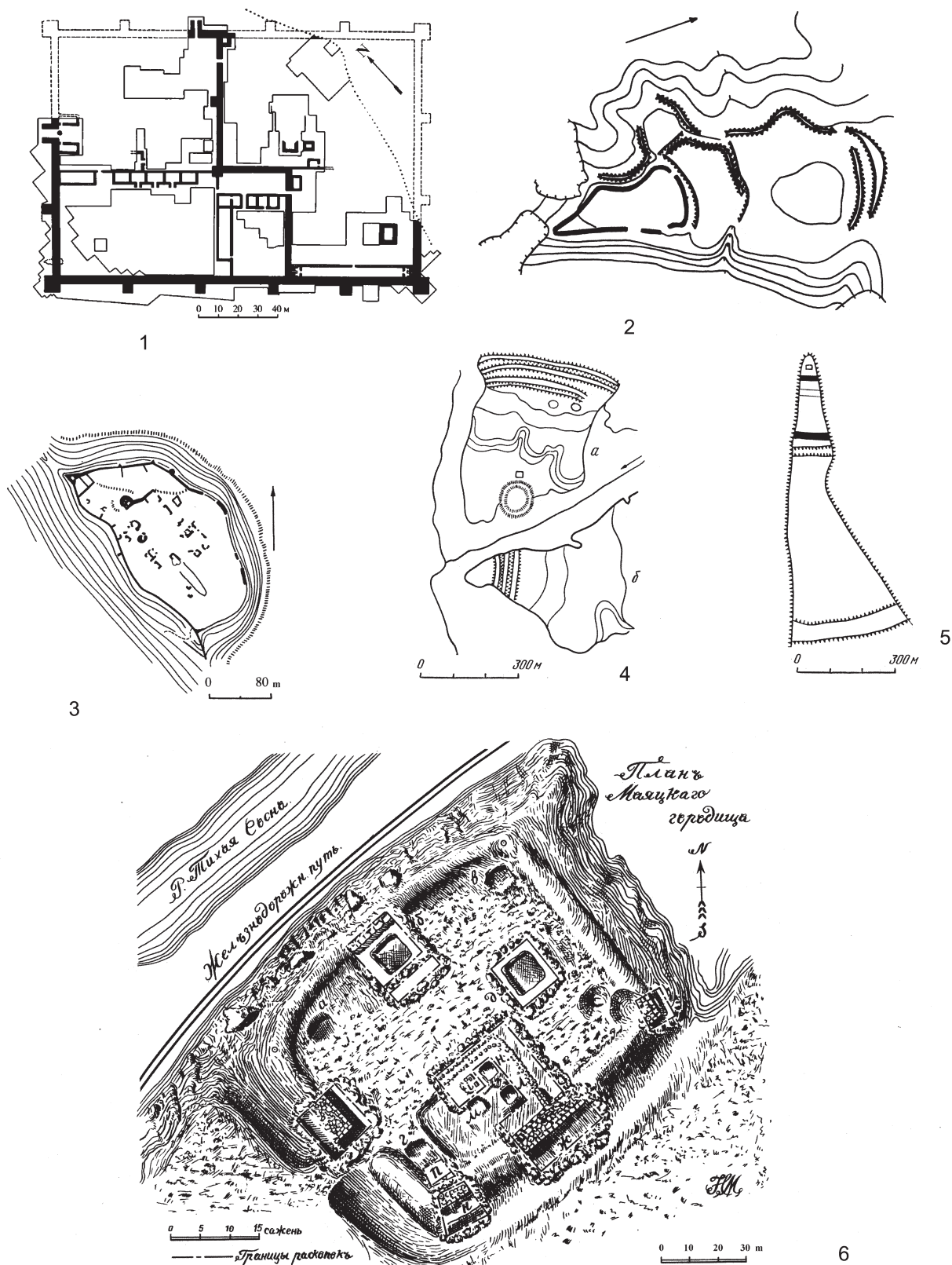

Рис. 2. Примеры укрепленных поселений Юга России: 1 – Саркел [Афанасьев, 2011, рис. 2]; 2 – Дмитриевское городище [Афанасьев, 1987, рис. 65, 1; без масштаба]; 3 – Ачипсинская крепость [Армарчук, 2003, рис. 93, 5]; 4 – Татарское 1 (а) и 2 (б) городища [Ковалевская, 1981, рис. 58, 1]; 5 – Кызыл-Калинское городище [Ковалевская, 1981, рис. 58, 4]; 6 – план Маяцкого городища с раскопами, заложенными Макаренко в 1908–1909 гг. [Афанасьев, 1987, рис. 72]

В более поздней работе С. А. Плетнева придерживается той же классификации поселений и построек, но уже не акцентирует столь прямолинейно внимание читателей на своем тезисе перехода «от кочевий к городам», характеризующего жизнь населения салтово-маяцкой культуры на протяжении VIII–X вв. [1981, с. 67–69]. Тем не менее тезис об устройстве каменных замков салтовской земли кочующей феодальной знатю, равно как и полукочевой характер населения, сохранился и в последних работах данного автора [Плетнева, 1999, с. 33, 207].

Критические замечания высказанной С. А. Плетневой теории об оседающих на землю кочевых племенах, оставивших поселенческие и погребальные памятники салтово-маяцкой культуры, содержатся в работах Г. Е. Афанасьева и В. С. Флёрова. Так, одна из последних монографий В. С. Флёрова посвящена подробному анализу концепции С. А. Плетневой о трансформации культуры племен Хазарского каганата «от кочевий к городам» [Флёров, 2010]. Книгу можно назвать источниковедческой, поскольку свою главную задачу автор видит в пересмотре предыдущих интерпретаций поселенческих памятников Хазарского каганата как «городов» и «замков». Подробно рассмотрев точки зрения М. И. Артамонова, С. А. Плетневой и других авторов, а также охарактеризовав основные поселения салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону и Северском Донце (Саркел, Семикаракоры, Правобережное Цимлянское городище, Маяцкая крепость и поселение, Верхнее-Ольшанский и Нетайловский археологические комплексы, городище Маяки), в низовьях Волги (городище Самосделка как одно из мест предполагаемой локализации Итиля), на Северном Кавказе (Хумаринская крепость) и в приморской части Дагестана (Верхний Чир-юрт и Андрей-аул), автор приходит к однозначному выводу об отсутствии городов в Хазарском каганате [Там же. С. 10, 197–198, 203]. Городские поселения Тамани и Крыма, являвшиеся, по мнению С. А. Плетневой, главными центрами урбанизации Хазарского каганата [Плетнева, 1967, с. 44–50], В. С. Флёров не считает хазарскими (или болгарскими), демонстрируя их типичный провинциально-византийский характер [Флёров, 2010, с. 140–172]. Монография содержит также отдельные экскурсы, посвященные рассмотрению терминов «город», «протогород» и «замок», дающие характеристику некоторым архитектурным приемам (кладка *opus spicatum*) и типам поселений Дунайской Болгарии (лагерь и аул). Критикуется примененная Г. Е. Афанасьевым методика расчета трудозатрат на строительство укреплений разного вида, а также его реконструкция потенциальных экономических зон радиусом в 5 км, которую В. С. Флёров считает «искусственно привнесенной в хазарскую археологию» [Там же. С. 137]. Завершает исследование глава, в которой поднимаются «старые и новые проблемы» характеристики феодализма, кочевания, экономики и государственности в Хазарии [Там же. С. 191–225].

Следует отметить критический взгляд автора на состояние источников, не позволяющих проводить далеко идущие реконструкции городской жизни и государственности в Хазарском каганате, как безусловно полезный и в некотором смысле отрезвляющий. Однако, отмечая практически все построения предшественников как несостоятельные, В. С. Флёров ничего не предлагает взамен, очевидно, считая, что лишь будущие археологические исследования, потенциал которых в отличие от письменных источников представляется неисчерпаемым [Там же. С. 26–27], позволят ответить на вопрос о существовании городов в исторической Хазарии.

1.1.2. Изучение поселений эпохи раннего Средневековья на Северном Кавказе

После прекращения деятельности Северокавказской экспедиции А. А. Миллера отдельные исследования на средневековых поселениях Северного Кавказа продолжались вплоть до начала 1960-х гг., нося в основном характер рекогносцировочных разведок [Минаева, 1958; Алексеева, 1955; 1966] и лишь изредка — археологических раскопок [Минаева, 1951; 1960б; Деопик, 1961]. Первое небольшое по объему обобщение информации о поселенческих памятниках алан Центрального Предкавказья содержится в монографии В. А. Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа» (1962). В этой давно уже ставшей классической работе автор впервые обобщил все известные на тот момент средневековые древности, связываемые с аланами, и выделил несколько вариантов их культуры. По указанным выше причинам, практически вся информация, которой оперирует автор, происходит из погребальных памятников. Поселения упоминаются дважды в связи с описанием западного и центрального локальных вариантов аланской культуры. В характеристику первого, практически совпадающего с современной территорией Карачаево-Черкесской Республики, включен небольшой раздел, посвященный топографии городищ и поселений и некоторым особенностям их фортификации.

В разделе упоминается о выявленных усилиями Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой 17 городищах и поселениях в плоскостной зоне Карачаево-Черкесии и 37 поселениях в горной зоне верхнего Прикубанья [Кузнецов, 1962, с. 58]. В качестве особенностей топографии городищ отмечается их группировка по два-три поселения на плоскости и существование отдельных укреплений на вершинах в горах; в отличие от более восточных укрепленных поселений, в данном регионе чаще применяются каменные стены как элемент фортификации [Там же. С. 59].

Говоря о центральном варианте аланской культуры, автор рассматривает территорию современной республики Кабардино-Балкарии, где в начале 1930-х гг. работами Северокавказской экспедиции А. А. Миллера были обнаружены многочисленные городища с земляными укреплениями, расположенные главным образом в предгорной полосе. Кратко характеризуя особенности планировки и фортификации этих городищ, В. А. Кузнецов, вслед за Иессеном [1941, с. 24–25], упоминает присутствие в их многочастной структуре выделенных земляных цитаделей, а также отдельно отстоящих форпостов для наблюдения, выдвинутых в пределах видимости. Характеризует данные памятники также групповое расположение и зрительная связь [Кузнецов, 1962, с. 81–82].

В более поздней работе перечисленные особенности расположения укрепленных поселенческих памятников разных типов в пространстве позволили В. А. Кузнецову включить их в качестве одного из признаков, позволяющих разделить аланскую культуру эпохи Средневековья на два варианта — западный и восточный. По мнению автора, опубликованному уже около сорока лет тому назад, для западного варианта характерно преобладание скальных катакомбных могильников и каменных крепостей, тогда как на востоке широкое распространение получили земляные городища, сопровождавшиеся грунтовыми катакомбными захоронениями. Намечаются различия в керамике, характерные для памятников двух основных вариантов [Кузнецов, 1973, с. 64–72].

Следует, забегая вперед, отметить, что земляные городища Центрального Предкавказья были первыми поселенческими памятниками I тыс. н.э., обнаруженными и исследованными на территории Кабардино-Балкарии экспедицией А. А. Миллера еще в начале 1930-х гг. [Деген-Ковалевский, 1935; Иессен, 1941, с. 23–27]. Т. М. Минаева, проводившая в 1945 г. разведку на подобных памятниках в долине р. Сунжи, вслед за упомянутыми авторами, сочла возможным отнести их к эпохе раннего Средневековья [Минаева, 1958, с. 428–430]. Эта датировка прочно закрепилась за данными памятниками вплоть до второй половины 1980-х — начала 1990-х гг., когда новые археологические раскопки широкой площадью, проводившиеся на так называемых земляных городищах Центрального Кавказа, убедительно продемонстрировали, что данные поселения относятся к более ранней эпохе (основное время их функционирования приходится на II–IV вв. н.э.) [Arzhantseva et al., 2000, р. 243], а ареал их выходит далеко за пределы восточного варианта аланской культуры, намеченного В. А. Кузнецовым [Ковалевская, 2005, с. 117].

Уже менее чем через десять лет после появления работ В. А. Кузнецова, посвященных выделению двух локальных вариантов аланской культуры, В. Б. Ковалевской публикуется новый взгляд на поселенческие памятники Северного Кавказа эпохи Средневековья [Ковалевская, 1981]. В результате анализа значительного массива археологических объектов, происходящих в первую очередь с Центрального Предкавказья, автор приходит к выделению двух основных ландшафтных зон обитания населения: предгорной и горной. Для первой характерно преобладание городищ с земляными укреплениями (рис. 2, 4), для второй — каменных крепостей (рис. 2, 5) [Там же. С. 84]. При этом, говоря о характерной планировке укрепленных поселений, В. Б. Ковалевская подчеркивает ограниченность наших знаний, поскольку ни один памятник не раскопан полностью или хотя бы значительными площадями [Там же. С. 85].

Средневековые поселенческие памятники на территории Карачаево-Черкесии, начало изучения которых в 1930–1950-х гг. было положено Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой, систематически исследовались в течение более 20 лет Х. Х. Биджиевым. Основное внимание исследователя было сосредоточено на раскопках знаменитого Хумаринского городища, расположенного в верхнем течении р. Кубань. В обобщающей монографии с одноименным названием автором прежде всего подробно рассматриваются особенности фортификации крепости [Биджиев, 1983, с. 16–35], которая представляется уникальной для региона: идущая по периметру укрепленной части городища каменная крепостная стена со множеством башен, достигающая по периметру длины в 2 км, не имеет аналогов на Северном Кавказе. Такое архитектурное сооружение могло появиться в регионе лишь с участием в строительстве византийских мастеров, скорее всего из восточных провинций Византии [Там же.

С. 34–35]. Характеризуя жилища, обнаруженные при раскопках внутри крепости, Х. Х. Биджиев следует в их описании типологии С. А. Плетневой, учеником которой он являлся. Все постройки разделены на юрты, полуземлянки и наземные жилища; в отдельную группу выделено святилище [Там же. С. 36–48]. Рассматривается погребальный обряд найденных на территории крепости захоронений, а также обнаруженные при раскопках предметы материальной культуры [Там же. С. 49–94]. В заключении приводится характеристика Хумаринского городища как раннефеодального города-крепости, в архитектурном облике которой воплощены традиции крепостного строительства салтово-маяцкой культуры и Болгарии. Ставится вопрос об основании Хумаринской крепости Хазарским каганатом как важного форпоста на торговом пути, связывающем Северный Кавказ с Причерноморьем [Там же. С. 95–97]. Значительная часть заключения посвящена обоснованию отнесения гарнизона крепости к тюркоязычным болгарам — предкам карачаевцев и балкарцев — при констатации полиэтничности населения Хумаринского городища [Там же. С. 98–106].

Особый интерес представляет сводка из 44 поселенческих памятников Карачаево-Черкесии, изученных Х. Х. Биджиевым в 1969–1979 гг. [Там же. С. 107–149]. Их краткое описание сопровождается классификацией поселений, которая будет рассматриваться ниже. Для нас интересны описания городища Уллу-Дорбунла в окрестностях Кисловодска, которое осматривалось автором [Там же. С. 127–128].

Основные тезисы монографического исследования Х. Х. Биджиева приводятся в более ранней работе [Биджиев, 1982]. Она упоминается здесь в связи с тем, что в нее включены более развернутые описания поселений раннего Средневековья, исследованных автором на территории Карачаево-Черкесии, в том числе обнаруженные в Кисловодской котловине (укрепления Первомайское 1 и 2 — [Там же. С. 67]).

Перечень раннесредневековых поселений расширяется в более поздней монографии того же автора (1993), в основном за счет поселенческих памятников салтово-маяцкой культуры, обнаруженных на Ставропольской возвышенности А. В. Гадло, А. В. Найденко и Н. А. Охонько [Гадло, 1975; 1976; 1980; Охонько, 1988] и частично раскопанных Х. Х. Биджиевым (1985). Данные поселения, представляющие в основном открытые селища с постройками разных типов, связывались их исследователями с тюркоязычными носителями салтово-маяцкой культуры и поэтому являются ключевыми в работе Х. Х. Биджиева, посвященной изучению истории пребывания тюрок на Кавказе. Не касаясь здесь этой проблематики, остановимся на характеристике поселений эпохи раннего Средневековья.

Исследование предваряется очерком по истории изучения раннесредневековых поселений Центрального Предкавказья, прежде всего Карачаево-Черкесии и Ставрополя [Биджиев, 1993, с. 30–37]. Далее автор обобщает сведения о них, предварительно разделив все поселения на две большие группы: селища [Там же. С. 39–41] и городища [Там же. С. 41–45]. Характеризуя городища, автор делит их на два типа — одночастные и двухчастные. Последние делятся на несколько видов:

А — укрепленный город или крепость и неукрепленное поселение (Амгата, Красный Восток);

Б — цитадель и собственно крепость (Инжургатинское городище);

В — трехчастные поселения, состоящие из цитадели, собственно крепости и открытого селища (Первомайское, Каракентское, Адиюх, Кяфар, Байталчапкан, Учкурское, Кызыл-Калинское, Курлукское, Клин-Ярское и др.). Внутри данного вида автор выделяет группу больших поселений, которые обладают всеми элементами раннефеодальных городов: сложная планировка и социальная структура, мощные крепостные, жилые и культовые сооружения, высокий уровень развития ремесла, большая площадь и т. д. [Там же. С. 45]. К этой группе памятников Х. Х. Биджиев относит Нижнеархызское, Римгорское, Кубинское, Терезинское (Уллу-Дорбунла), Каракентское, первое Татарское городища.

Далее приводится подробная характеристика строительной техники и архитектуры укрепленных поселений, которые автор делит на земляные и каменные [Там же. С. 46–94]. Основной упор делается на изучение каменной архитектуры, прежде всего, исследованного автором Хумаринского городища. При этом автор подробно останавливается на аргументации своей точки зрения о том, что Хумаринская крепость была построена хазарами при участии византийских мастеров и что ее расположение на важных торговых путях маркирует южную границу Хазарского каганата. Особое внимание уделено вопросу о причинах переселения аланских племен с территории Северного Кавказа на Средний Дон, которые автор видит в государственной политике Хазарского каганата по укреплению своих границ в связи с наступлениями арабов [Там же. С. 94–107].

Характеризуя исследованные на поселениях жилые и хозяйственные строения, Х.Х. Биджиев повторяет выделенные С.А. Плетневой основные группы этих сооружений (юртообразные, турлучные, каменные, землянки и полуземлянки), особо останавливаясь на святилище Хумаринского городища, раскопанном в 1974 г. [Биджиев, 1993, с. 108–155]. Приводимые автором описания раскопанных построек зачастую сопровождаются экскурсами в этнографию карачаевцев и балкарцев, которые призваны подчеркнуть связь некоторых археологических комплексов с тюркским этносом.

Таким образом, в последнем обобщающем исследовании Х.Х. Биджиева предпринята попытка систематизировать разрозненные поселенческие материалы с широкой территории и весьма широкого временного диапазона через призму расселения тюркоязычных хазаро-болгарских племен в верховьях Кубани в эпоху раннего Средневековья. К сожалению, цитируемая работа не может являться образцовой в области систематизации данных о поселениях разных типов в Центральном Предкавказье, прежде всего из-за отсутствия четких критериев используемых автором классификаций, зачастую созданных под влиянием уже готовых реконструкций этнокультурной ситуации в изучаемом регионе. К ряду критических замечаний, высказанных предшественниками в адрес работ Х.Х. Биджиева, мы вернемся ниже.

Говоря об изучении средневековых поселений, расположенных на территории современной Карачаево-Черкесии, нельзя не упомянуть знаменитое городище Нижний Архыз, многолетнее исследование которого проводилось В.А. Кузнецовым [Кузнецов, 1993б]. Хронологически этот памятник выходит за рамки данной работы, поскольку относится к более позднему времени — X–XII вв. Однако необходимость обращения к материалам развитого Средневековья обуславливает включение этого обобщающего труда в настоящий историографический очерк.

Исследование Нижнеархызского городища началось В.А. Кузнецовым еще в начале 1950-х гг. и продолжалось более 20 лет. За это время автору, по его собственному выражению, удалось провести раскопки лишь ограниченного характера; многое в облике городища остается неясным и требует дальнейшего уточнения [Там же. С. 8–9]. Тем не менее обобщающий труд В.А. Кузнецова представляет на сегодняшний день фактически вторую монографическую публикацию раскопок поселенческого памятника эпохи Средневековья на Северном Кавказе (первой была публикация Хумаринского городища, осуществленная Х.Х. Биджиевым — см. выше), и уже поэтому он достоин всяческого внимания.

В монографии приводится подробная характеристика топографического расположения городища, состоящего из поселка епархии, двух земледельческих участков, собственно городской застройки и нескольких некрополей и храмов, расположенных в окрестности [Там же. С. 12–26]. Характеристика двух усадебных комплексов, а также оборонительных сооружений в виде четырех каменных стен, частично раскопанных автором в 1960–1970-е гг., дается в отдельной главе [Там же. С. 27–86]. Весьма важны наблюдения над архитектурным обликом каменной застройки, описание исследованного металлургического производственного центра, а также характеристика найденного материала, прежде всего керамики. Более подробно предметы материальной культуры описываются в главе VI [Там же. С. 186–224]. Для нас наиболее важным является наблюдение над распространением в слое сосудов с поверхностью, орнаментированной рифлением — по мнению автора, развитие этого орнамента относится к концу XI — началу XII в. [Там же. С. 195]. Подобные сосуды с рифленой поверхностью часто встречаются на памятниках Кисловодской котловины, относимых мною вслед за предшественниками к развитому Средневековью, и являются их своеобразной «визитной карточкой».

Особое внимание В.А. Кузнецов уделяет культовой архитектуре Нижнего Архыза [Там же. С. 87–116], что, конечно, не случайно. Данный памятник действительно является уникальным средоточием храмов с неоспоримыми следами византийской архитектурной традиции (три полностью сохранившихся и не менее 11, прослеживаемых на уровне фундаментов), что позволяет согласиться с выдвинутой автором интерпретацией городища как епархиального центра средневековой Алании [Там же. С. 89, 259]. Однако население городища состояло как из последователей христианства, так и из язычников, о чем говорят несколько обнаруженных святилищ, а также черты погребального обряда, подробно описанного в двух отдельных главах монографии [Там же. С. 117–156 и 157–185].

Заключительный раздел монографии В.А. Кузнецова посвящен достаточно подробному обоснованию городских функций, которые выполнял Нижний Архыз в X–XII вв. в качестве центра Аланской епархии и, возможно, административно-политического центра средневековой Алании [Там же. С. 225–257]. Автор вслед за Л.И. Лавровым, В.И. Марковиным и Х.Д. Ошаевым считает

возможным соотнести Нижнеархызское городище с упоминаемой ал-Масуди столицей Алании — городом Магас, хотя и признает неопределенность его географического расположения, обозначенного в письменных источниках [Там же. С. 249–252]. Заметим, что данной интерпретации противоречат наблюдения самого В. А. Кузнецова над отсутствием следов разгрома городища татаро-монголами и предположение о затухании жизни на памятнике в период, предшествовавший монгольскому завоеванию (конец XII — начало XIII в.) [Там же. С. 246–247]. В источниках же недвусмысленно говорится о том, что аланская столица Магас была полностью разрушена монголами после длительной осады 1239–1240 гг., о чем сообщает современник событий Джувейни [Алемань, 2003, с. 476]. Впрочем, данное замечание несколько не умаляет ценность работы В. А. Кузнецова, обобщившего основную информацию о ключевом поселении аланской культуры X–XII вв. на Северном Кавказе.

Если о поселенческих памятниках Центрального Предкавказья имеются некоторые скудные сведения, то аналогичные памятники западнее Кубани практически не изучены. Проводились рекогносцировочные работы на городищах меотской культуры на Средней Кубани, которые показали, что они продолжали существовать до VI–VIII вв. н.э. [Ковалевская, 1981, с. 91]. Имеются некоторые сведения о крепостях в бассейне р. Мзымты недалеко от Сочи (рис. 1, 5), также рекогносцировочного характера. Они были открыты в конце 1960-х гг. в ходе разведок, проводимых местными краеведами Л. Л. и Л. Н. Ситниковыми, и обобщены участником этих работ — абхазским археологом Ю. Н. Вороновым [Воронов, 1979, с. 83–90; Армарчук, 2003, с. 211]. Самая крупная из крепостей — Ачипсинская — была исследована лучше остальных (рис. 2, 3): здесь в разное время проводились небольшие раскопки, топографическая съемка, фиксация архитектурных сооружений (работы В. Б. Ковалевской, И. А. Аржанцевой, Д. Э. Василенко, В. В. Верещагина и Д. С. Коробова) [Василенко и др., 2009]. Более 20 крепостей с каменной архитектурой, расположенные здесь, имеют фортификационные особенности, которые сближают их с аналогичными крепостями в Абхазии [Воронов, 2002, с. 336, 338, 349, 351]. Одна из главных особенностей — это использование односторонних облицовочных каменных стен с забутовкой, устроенных по периметру выделенных в рельефе участков вершин горных хребтов. Отсутствие однозначно датирующего материала на данных крепостях позволяет их относить к эпохе раннего Средневековья (VI–VIII вв.) лишь по аналогии с абхазскими крепостными сооружениями.

Гораздо больше информации имеется о поселенческих памятниках Восточного Предкавказья за счет систематических раскопок, которые в течение 60 лет, с середины 1950-х гг., проводились на городищах Дагестана [Ковалевская, 1981, с. 94] (рис. 1, 6). Здесь уже в III–V вв. возникали крупные городские центры благодаря тому, что эта территория входила в состав позднеантичного государства — Кавказской Албании [Бабаев, 1990; Гаджиев, 2002]. Позже некоторые из них, как, например, знаменитый Дербент, выполняли функцию крепостей на северных границах Сасанидского Ирана и Арабского Халифата [Кудрявцев, 2003]. Особенности городской культуры этого региона, выходящего к тому же за географические рамки данной работы, позволяют нам не останавливаться подробно на истории его изучения.

Стоит упомянуть памятники Дагестана последующей хазарской эпохи, рассматривавшиеся М. Г. Магомедовым в качестве раннефеодальных городов Хазарского каганата [1975а; 1975б; 1983; 1994]. В этих работах публикуются топографические планы и краткая информация о полусотне городищ и неукрепленных поселений VII–VIII вв. в Приморском Дагестане. Автором последовательно проводится сопоставление некоторых городищ с известными по письменным источникам городами Хазарии (Хамлидж, Баланджар/Беленджер, Варачан, Семендер). Местоположение Беленджера соотносится с Верхнечирюртовским городищем, Семендер сопоставляется с Таркинским и позднее, после переноса столицы в середине VII в., с Шелковским городищами; Варачан — с городищем Урцекки [Магомедов, 1975а; 1983, с. 46–60; 1994, с. 54–82]. Критические замечания насчет интерпретации названных памятников в качестве «городов Хазарии» высказаны В. С. Флёровым в цитированной выше работе [2010, с. 129–139].

Публиковавшаяся В. Б. Ковалевской в 1981 г. краткая характеристика поселений эпохи раннего Средневековья Центрального Предкавказья [1981, с. 84–85] в расширенном варианте с дополнениями излагается в одной из последних монографий этого автора [2005, с. 116–135]. Автором наглядно продемонстрирован рост наших знаний о поселениях данного региона: если в конце 1950-х гг. в литературе фигурировали единичные поселения, в сводке памятников Северной Осетии всех эпох,

составленной В. А. Кузнецовым в 1973 г., упоминалось 134 поселенческих памятника, в 1981 г. В. Б. Ковалевская оперировала данными о 70 раннесредневековых каменных крепостях в Центральном Предкавказье, то в 2005 г. данным автором обобщена информация о 120 поселениях Северного Кавказа эпохи раннего Средневековья [Ковалевская 2005, с. 117].

В работе приводятся общие характеристики укрепленных поселений Кисловодской котловины с фортификацией из камня, называемых автором каменными крепостями. Отмечаются особенности их архитектуры — присутствие развалов башен и стен и практическое отсутствие рвов, а также их систематическое расположение в зоне видимости друг друга. Устройство подобных крепостей на водоразделах позволяет получать зрительную связь между долинами основных рек, а анализ топографической ситуации вокруг крепостей — реконструкцию их потенциальных экономических зон [Там же. С. 118–119]. Несколько более детальная характеристика 48 крепостей, разделенных по площади на 5 групп, обобщена в табличном представлении. Приводится критический обзор имеющихся классификаций каменных крепостей, предложенных в работах Г. Е. Афанасьева и Х. Х. Биджиева [Там же. С. 122–123].

Помимо кратких обобщенных характеристик, В. Б. Ковалевская приводит более подробную информацию об основных исследованных поселениях региона: укрепленных поселениях Указатель и Аланская крепость, городище Горное Эхо и комплексе памятников у Лермонтовской Скалы [Там же. С. 123–129]. Наиболее интересна характеристика результатов авторских раскопок на Указателе, о которых будет сказано ниже.

Заключительная часть рассматриваемого обзора северокавказских поселений посвящена краткой характеристике земляных городищ и обоснованию их более ранней датировки [Там же. С. 130–134].

Работа В. Б. Ковалевской 2005 г., несмотря на свой краткий и обобщающий характер, является, тем не менее, одной из наиболее полных характеристик накопленных данных о поселениях Северного Кавказа, имеющихся в настоящее время. Основная ее часть, и это не случайно, посвящена рассмотрению памятников Кисловодской котловины — региона, который является предметом особого интереса автора настоящих строк. В соответствующем разделе я остановлюсь подробнее на характеристике поселенческой археологии эпохи раннего Средневековья данного региона. Сейчас же следует обратить внимание на европейские исследования поселений I тыс. н.э., проводившиеся в русле культурно-исторического направления.

1.1.3. Ранний этап изучения поселений в европейской литературе (1930–1960-е гг.)

Археологическое изучение средневековых поселений в Европе отстоит на десятки лет от изучения могильников и берет свое начало лишь в XX в. (в Германии, например, поселения начинают систематически изучаться лишь с начала 1930-х гг.) [Hamerow, 2002, p. 5; Brather, 2006, S. 52–53]. Так же, как и в СССР, накопление информации о поселениях эпохи раннего Средневековья в европейской археологии проходило относительно медленно от 1930-х до 1960-х гг. Подведению некоторых итогов этого процесса посвящена специальная лекция одного из основателей поселенческой археологии в Германии, профессора Гёттингенского университета Герберта Янкуна, прочитанная им в Вильгельмсхафене 6 ноября 1963 г. на торжественном мероприятии, посвященном 25-летию основания Нижнесаксонского земельного института по изучению прибрежных низменностей [Jankuhn, 1965]. В ней автор продемонстрировал изменение значения самого термина «*Siedlungsarchäologie*», предложенного на рубеже XIX и XX вв. Г. Коссиной и понимавшегося вначале как «археология обитания» древних племен. Именно тогда были заложены основные принципы выделения «культурных провинций» и разработан метод картографирования находок, послуживший основой для выделения археологических культур [Клейн, 2011, т. 1, с. 502, 514–515, 525], использующийся и в настоящее время, в том числе на современном этапе с применением методов ГИС-картографирования.

В послевоенное время термин «*Siedlungsarchäologie*» стал обозначать археологическое изучение поселений. При этом отмечалось два главных направления, объединяемых в рамках поселенческой археологии (нем. *Siedlungsarchäologie*) — изучение системы расселения и изучение поселений как таковых; подчеркивалась важность применения естественно-научных методов при изучении поселений, впервые использованных Г. Янкуном еще в 1937 г.

Примерно в это же время в ежегоднике «*Frümittelalterliche Studien*» за 1968 г. выходит статья В. Янсена об изучении средневековой деревни как археологической проблеме [Janssen, 1968].

В статье даются историографические обзоры раскопок поселений римского времени, раннего и развитого Средневековья начиная с 1930-х гг. Приводится список из 58 памятников, изученных в Германии к середине 1960-х гг., вместе с их датировками [Ibid. S. 345]. Особое внимание уделено автором исследованию пустошей (нем. *Wüstung*) как археологического явления.

1.1.4. Изучение поселений в зарубежной археологической литературе 1970–1980-х гг.

Среди наиболее полно изученных памятников к началу 1980-х гг. следует назвать поселения Северной Германии и Южной Скандинавии. Результаты раскопок широкими площадями на нескольких памятниках легли в основу обобщающих работ по сельским поселениям эпохи Средневековья (см., например, материалы по поселениям германцев и славян, накопленные в ГДР к середине 1980-х гг., которые опубликованы в серии трудов под редакцией Й. Херрманна — [Die Germanen, 1976, S. 118–121, 129–130; 1986, S. 81–100; Die Slawen, 1985, S. 153–232]). Чаще всего упоминаются поселения, изученные в Ютландии: Форбасс, Ходде и Норре Снеде (Vorbass, Hodde, Nørre Snede) [Hvass, 1982; 1989; 1997; 2000; 2006], а также в Нижней Саксонии: Феддерсен Вирде и Флэгельн (Feddersen Wierde, Flögeln) [Haarnagel, 1977; Schmid, 1982; 1994; Zimmermann, 1992; Kossak, 1997]. Все они представляют собой крупные поселки, состоящие из 20–30 домохозяйств. Например, поселение Феддерсен Вирде в Северной Германии в III–IV вв. объединяло 25 хозяйств из длинных домов со стойлами на 450 животных, а поселение Ходде в Ютландии — 27 отдельных хозяйств за одной общей стеной. Большинство поселений Ютландии, Северо-Западной Германии и Северной Голландии существуют до начала V в., а потом исчезают до VIII в. — это результат переселения англосаксов и ютов в Британию [Hvass, 1989, p. 92]. Интереснейшим примером перемещающегося на ограниченном пространстве поселения является Форбасс, где в течение I тыс. н. э. поселение несколько раз меняло место расположения в пределах 100–400 м [Ibid. P. 93–97], что связывается с особенностями домостроительства (необходимостью обновлять столбовые деревянные постройки, которые устраиваются каждый раз на новом месте) и полеводства (экстенсивные формы перелога) [Nissen Jaubert, 1995, p. 220; Chatelet, 1999, p. 65; Namerow, 2002, p. 104–106]. Ситуация с перемещениями мест обитания в пространстве в пределах одного поселения прослеживается и на других памятниках Ютландии (например, Норре Снеде — [Hvass, 1989, p. 97–98]), Нидерландов (Коотвийк (Kootwijk) — [Heidinga, 1987]) и в некоторых других европейских странах.

Первичное накопление информации о поселениях раннего Средневековья Европы дало толчок первым работам, в которых проводились широкие обобщения. Прежде всего, следует назвать коллоквиум по проблемам аграрной истории Средней и Северной Европы, проходивший в Гёттингене в 1972–1976 гг. под руководством Г. Янкуна, результатом чего стал выход в свет сборника статей [Das Dorf, 1977]. Много внимания в статьях уделено определениям деревни, двора и поселка с точки зрения географии и археологии. Стоит упомянуть цитируемую выше публикацию В. Янсена, в которой обобщаются сведения о деревне и ее формах в VII–XII вв. в Центральной и Северной Европе по данным археологии [Janssen, 1968], а также труды коллоквиума по изучению средневековых сельских поселений Англии, прошедшего в Лидсе в 1974 г. [Medieval Settlement, 1976] и главы, посвященные изучению сельских поселений, построек и земель сельскохозяйственных угодий в обобщающей работе по археологии англосаксов [Fowler, 1976; Ratz, 1976].

Основные принципы изучения поселений в археологии как нового направления были изложены Г. Янкуном в специальной работе «Введение в археологию поселений» [Jankuhn, 1977], которая является наиболее полным отражением сформировавшейся к середине 1970-х гг. особой немецкой «гёттингенской школы» [Клейн, 2011, т. 1, с. 549–551]. Для адептов данного направления характерен комплексный подход к изучению поселений, широкое использование различных методов естественных наук (почвоведение, палинология, археозоология, аэрофотосъемка и пр.). При этом основной акцент делается на изучение системы хозяйствования и использования населением окружающих ландшафтов, что дает право считать представителей этой школы пионерами в области ландшафтной археологии, о которой пойдет речь ниже.

Практически одновременно с упомянутыми сборниками в 1980 г. вышло две крупные монографии во Франции [Chapelot, Fossier, 1980] и в ГДР [Donat, 1980], ставшие классическими для своего времени и оказавшие большое влияние на развитие поселенческой археологии не только в европейских странах, но и в СССР и позже в России. Свидетельство тому — живой интерес к данным

публикациям, отразившийся в появлении рецензий на страницах альманаха «Средние века», что избавляет меня от необходимости подробного пересказа содержания этих книг [Мильская, 1978; 1981; Бессмертный, 1983].

В монографии Ж. Шапело и Р. Фосье на широких археологических материалах по европейским поселениям раннего Средневековья проводится сравнение форм поселений и построек, даются сведения о земледелии и животноводстве. Для настоящей темы наиболее интересны приводимые сравнения систем расселения в Англии, Пикардии, на Рейне, в разных областях Франции и Германии, в Ирландии. Повсеместно для раннего Средневековья, по мнению авторов, преобладает рассеянная (дисперсная) система расселения в виде поселений небольших семейных коллективов хуторского типа. Весьма оригинальной представляется система расселения в Ирландии I тыс. н.э., которая близка к скандинавской — характерно рассеянное обитание свободных собственников непосредственно возле обрабатываемых полей. Однако специфика ирландских рассеянных поселений состоит в том, что они представляют собой небольшие укрепленные городища диаметром около 30 м, которых известно около 30 тыс. (по новым данным — около 60 тыс. — [см. Wickham, 2005, p. 354]). Это места обитания маленьких семейных коллективов [Chapelot, Fossier, 1980, p. 68–69].

Прослеживая эволюцию системы расселения от раннего к развитому Средневековью, в целом авторы везде наблюдают тенденцию к переходу от рассеянного расселения к концентрированному поселению из десятка и более домохозяйств. Итогом этой эволюции становятся деревни в современном смысле этого слова, которые появляются уже к VIII–X вв., в том числе с церковными приходами [Ibid. P. 75].

Монография П. Доната обобщает известные к середине 1970-х гг. археологические источники по изучению крестьянского хозяйства в ареале расселения германцев и славян в VII–XII вв. Анализ проводится на материалах 516 памятников, сведения о которых публикуются в виде отдельного каталога. Книга состоит из четырех основных разделов, описывающих жилой дом, подсобные постройки, двор и деревню, развитие средневековых типов поселения. Согласно авторской реконструкции, проведенной на материалах поселений и могильников, у германцев прослеживается три формы поселений по количеству обитателей: однодворные (20–30 жителей), хуторские (2–3 хозяйства, 30–50 жителей) и деревенские (6–12 хозяйств, 125–300 жителей) [Donat, 1980, S. 133]. При этом демонстрируется постепенный рост размеров поселений со временем. Для зоны славянского расселения характерно преобладание небольших поселков деревенского типа (от 11 до 18 домов, от 55 до 108 чел.) [Ibid. S. 145].

Завершающим аккордом развития поселенческой археологии в 1980-е гг. может служить выход специального двухтомного сборника статей, обобщающего историю изучения поселений в европейских странах [Genetische, 1988], включившего историографические обзоры по поселенческой археологии Средневековья в ГДР Й. Херрманна [Genetische, 1988, Bd. I, S. 125–162], Англии — Дж. Тирска [Ibid. S. 257–269], Франции — В. Янсена [Genetische, 1988, Bd. II, S. 483–497], Швейцарии — М. Мартина [Ibid. S. 533–557], Северной Италии — Ф. Бирбрауэра [Ibid. S. 637–659].

Тогда же берет начало немецкое издание «Siedlungsforschung», насчитывающее с 1983 г. по 2015 г. 32 выпуска. В данном ежегоднике, издающемся на географическом факультете Боннского университета, публикуются исследования археологов, историков и географов в области изучения поселений, системы расселения, использования культурных ландшафтов.

1.1.5. Европейская раннесредневековая поселенческая археология в 1990–2000-х гг.

Очередной этап в исследовании поселений эпохи раннего Средневековья наступает в середине 1990-х гг., когда в ходе ширококомасштабных охранных раскопок в разных странах Европы появляется новая информация, которая требует своего обобщения. Среди трудов этого времени стоит назвать историографические сводки о состоянии средневековой археологии в европейских странах, включающие информацию о поселенческой археологии, которые собраны в сборнике статей под редакцией Г. Феринга и В. Заре [Mittelalterarchäologie in Zentraleuropa, 1995]. Сборник включает общеевропейский обзор археологии Средневековья (Г. Феринг) [Ibid. S. 9–18], а также обзор результатов изучения сельских поселений Средневековья в Центральной Европе (Й. Херрманн) [Ibid. S. 53–62] и характеристику состояния средневековой археологии в Англии (М. Биддль) [Ibid. S. 105–116], Скандинавии (Х. Андерссон) [Ibid. S. 117–136], Чехословакии и Польше (В. Некуда) [Ibid. S. 137–164], Венгрии

(И. Холль) [Ibid. S. 165–190] и стран Бенелюкса (Г. Сарфатиж) [Ibid. S. 191–216]. Еще одна историографическая работа, написанная в это же время, принадлежит перу А. Лейбе. В ней автор приводит историю исследования поселений и домостроительства у восточных германцев в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов на материалах Германии, Скандинавии и Польши [Leube, 1998]. В сборнике приняли участие авторы, обобщившие поселенческие материалы восточных германцев этого периода в Моравии и Нижней Австрии [Tejral, 1998], а также в Южной Скандинавии [Martens, 1998].

Обзоры, посвященные поселенческой археологии некоторых варварских народов, были опубликованы в сборниках серии «Studies in Historical Archaeoethnology» в выпусках, обобщающих накопленную информацию по археологии англосаксов [Powlesland, 1997], франков и аламанных [Damingier, 1998].

Тогда же выходит в свет статья Р. Франковича и Дж. Броджиоло, характеризующая состояние раннесредневековой археологии в Италии [Francovich, Brogiolo, 1998]. В ней обсуждаются проблемы трансформации римских городов в средневековые на примере Брешии, где прослеживается общий упадок городской жизни и упрощение традиций домостроительства на протяжении VI–VII вв. Особое внимание уделено проблеме формирования средневековой деревни и возникновения укрепленных поселений на холмах (инкастелламенто/*incastellamento*). Авторы демонстрируют новые данные по изучению системы расселения в Тоскане, которые дают картину радикальных изменений в расселении начиная с V–VI вв. Происходит одновременное забрасывание вилл римского времени и появление поселений в нижней части склонов холмов; доминируют рассеянные поселения, хотя они иногда сосуществуют с концентрированными. В VII–VIII вв. появляются концентрированные деревни на вершинах холмов — возможно, это уже начало формирования замков/кастелл, но данный тезис требует стратиграфических доказательств, которые трудно получить, поскольку на подобных поселениях доминируют столбовые деревянные постройки. Во второй половине X в. появляются собственно кастеллы, но формируются они раньше в ходе консолидации прежних рассеянных поселений. Такой представляется эволюция системы расселения в Северной Италии периода раннего Средневековья.

В это же время происходит обобщение накопленных данных по сельским поселениям Ирландии [Edwards, 1990; O’Conor, 1998], которые начали изучаться лишь с 1970-х гг. Цитируемое исследование К. Д. О’Конора не касается нашей темы напрямую, поскольку в нем рассматриваются более поздние материалы X–XII вв. Однако описываемые автором типы некоторых укрепленных поселений сформировались в более ранний период. Это, прежде всего, все средневековые гэльские центры власти (укрепления на искусственных островах — кранноги, естественные острова, городища со рвами и круглые городища) [подробнее см.: Edwards, 1990, p. 6–48]. Они напоминают замки в административном и экономическом смысле и являются укрепленными резиденциями ирландских лордов и королей. Традиции их постройки восходят к раннему Средневековью; они называются «замками» в письменных источниках, но таковыми не являются, что подчеркивается средневековыми авторами, сообщающими, что ирландцы не строят замков. Автором подчеркивается разница в системе расселения в англо-норманнской и гэльской частях средневековой Ирландии: гэльская система расселения рассредоточенная, большинство населения живет на отдельных фермах и хуторах; экономика пастушья с отгонным скотоводством. Все эти черты являются продолжением раннесредневековой модели расселения в Ирландии.

Таким образом, к середине 1990-х гг. в ходе накопления новых данных о поселениях эпохи раннего Средневековья в Европе формируется особое направление, которое связано с изучением сельских поселений. Формирование этого направления особенно ярко отразилось в организации специальной международной ассоциации по изучению сельских поселений Средневековья «Ruralia», собирающей конференции и выпускающей одноименное издание. На настоящий момент с 1995 г. прошло 11 конференций в разных странах Европы; подробную информацию о них, а также о вышедших в свет изданиях сборника «Ruralia» можно узнать на сайте этой ассоциации (<http://www.ruralia.cz/index.html>). Там доступны полные версии первых пяти выпусков, опубликованных в 1996–1999 гг. в Праге как приложения к регулярному изданию Чешской академии наук «Památky archeologické», а с 2001 г. выходящих в виде отдельных выпусков бельгийского издательства «Verpoels»; можно также познакомиться с содержанием последних четырех выпусков данного периодического издания.

Конференции *Ruralia* организуются как тематические. Для темы настоящего исследования особый интерес представляет Первая конференция, прошедшая в Праге в 1995 г. [*Ruralia I*, 1996], посвященная общим вопросам изучения сельских поселений Средневековья, Вторая конференция в Спа (Бельгия, 1997 г.) [*Ruralia II*, 1998], на которой обсуждались вопросы социально-экономического развития европейской деревни Средневековья, и в особенности Третья конференция в Мэйноте (Ирландия, 1999 г.) [*Ruralia III*, 2000], где рассматривались проблемы выделения рассеянных и концентрированных поселений в Европе. Интересны также материалы Девятой конференции в Гёцце (Австрия, 2011 г.), обсуждающей вопросы иерархии средневековых поселений, которые доступны на сайте в виде резюме прозвучавших докладов [*Ruralia IX*, 2011], и Десятой конференции в замке Смоленицы в Словакии (2013 г.), где обсуждались вопросы сельскохозяйственных технологий в средневековых ландшафтах.

Среди докладов, опубликованных в сборнике «*Ruralia I*», наибольший интерес вызывают работа Д. Байярда с первыми результатами изучения раннесредневековых поселений в Пикардии, где констатируется преобладание мест обитаний небольших коллективов из 2–3 семей, прослеживающихся по данным раскопок как поселений, так и могильников [*Ruralia I*, 1996, р. 227–241]; исследование Д. Хук об изменениях в системе расселения и землепользовании в Средней и Южной Англии в раннем и развитом Средневековье, где прослеживаются следы как рассеянного, так и концентрированного типа поселений [*Ibid.* Р. 80–89], а также статья Х. Митума о раннесредневековых поселениях в Западной Британии и Ирландии, где в основном изучались элитные светские памятники: королевские резиденции, городища на искусственных островах (кранноги), кольцевые городища, а множество открытых обычных поселений почти не раскапывалось [*Ibid.* Р. 124–133].

Кроме того, следует упомянуть широкомасштабное картографирование 1200 из 1500 известных поселений VI–XII вв. в Словакии, проведенное М. Рутткой [*Ibid.* Р. 277–281], а также обобщение данных о сельских поселениях Норвегии в 400–1400 гг. н.э., выполненное Д. Скре [*Ibid.* Р. 53–71], где зафиксированы как отдельные фермы, так и концентрированные поселения и деревни и прослежена эволюция домостроительства.

Сборник «*Ruralia II*» включает статью А. Оберга, подводящую итоги достижений группы по изучению заброшенных средневековых поселений в Британии за последние 50 лет, с момента ее создания в 1952 г. Постепенно термин «зброшенный» был отброшен, и группа занялась изучением средневековых сельских поселений вместе с окружающим ландшафтом и угодьями [*Ruralia II*, 1998, р. 9–12]. Т. Бэрри рассматривает социально-экономические аспекты жизни на ирландских средневековых поселениях [*Ibid.* Р. 78–86], изучение которых началось всего 20 лет назад, а итоги обобщены в исследовании К. Д. О'Конора, упоминаемом выше.

Программой является статья французской исследовательницы А. Ниссан Жобер [*Ibid.* Р. 213–225], представляющая собой реакцию на дебаты после публикации книги Ж. Шапело и Р. Фоссье [*Chapelot, Fossier, 1980*], о которой шла речь выше. Прежде всего, автор останавливается на вопросах терминологии, демонстрируя субъективность определения деревни на основе экономических, социальных и количественных критериев, выделяемых в разных странах. Автор стоит за определение деревни, данное Ж.-М. Песе и В. Хансеном как группы ферм, носящей одно имя, связанной с одной территорией, где жители имеют единую внутреннюю организацию. И здесь следует возразить противникам определения перемещающихся поселений раннего Средневековья как деревень, поскольку, несмотря на перемещения этих поселений в пространстве, они остаются на единой территории (в качестве примеров приводятся поселения Форбасс в Дании и Коотвийк в Нидерландах). А. Ниссан Жобер приводит примеры сгруппированных поселений раннего Средневековья, имеющих регулярный план, указывает на сложности в поиске рассеянных поселений в виде отдельных домохозяйств, показывает на примере раскопок в Дании, что деревня может представлять собой общину изолированных ферм со следами коллективной организации. Все это определяет сложность и неоднозначность в подходе к изучению поселений I тыс. н.э., которые, несомненно, отличаются от деревень развитого Средневековья вследствие общего развития общества и сельского хозяйства в сочетании с демографическим ростом. Однако признавая сложность организации деревни в развитом Средневековье, не следует отрицать того, что поселения раннего Средневековья также несут следы коллективной организации.

Авторы выпуска «*Ruralia III*» обсуждали проблемы выделения рассеянных и концентрированных поселений в разных европейских странах: в Ирландии (Т. Бэрри, Т. О'Кифи, Дж. Брэдли)

[*Ruralia III*, 2000, p. 6–11, 103–105, 288–293], Норвегии (И. Ойе) [*Ibid.* P. 12–23], Бельгии и Люксембурге (Дж. де Мюлемеестер, Д. Энротей, Ф. Мино) [*Ibid.* P. 24–36], Уэльсе (Д. Томпсон) [*Ibid.* P. 37–45], Дании (Д. К. Миккелсен) [*Ibid.* P. 46–59], Венгрии (А. Палочи-Хорват, М. Такач) [*Ibid.* P. 60–68, 240–251], Марокко (Я. Бенхима) [*Ibid.* P. 106–119], Ютландии (А. Б. Соренсен) [*Ibid.* P. 156–167], Северной Руси (Н. А. Макаров) [*Ibid.* P. 202–216], Англии (П. Эверсон) [*Ibid.* P. 233–239], Южной Шотландии (П. Диксон) [*Ibid.* P. 252–272], Юго-Западной Германии (К. Бюкер и М. Хёпер, С. Арнольд) [*Ibid.* P. 217–232, 273–287] и других странах.

В это же время, в 1996 г., феномен рассеянных поселений в Европе эпохи Средневековья и Нового времени обсуждался на XVIII Международной конференции по истории аббатства Фларан, организованной Тулузским университетом. Вышедший сборник статей [*L'habitat dispersé*, 1999] включает несколько интересных публикаций, касающихся распространения рассеянных поселений в раннем Средневековье в Англии и Галлии (Д. Остин) [*Ibid.* P. 39–63], в Галисии и Северной Португалии (Х. Л. Кирога и М. Р. Ловелль) [*Ibid.* P. 97–119]. Однако наиболее важной представляется обобщающая статья Ж.-М. Песе, рассматривающая рассеянные поселения Средневековья как историческую и археологическую проблему на широких европейских материалах [*Ibid.* P. 17–38]. Автор выделяет несколько этапов в широком распространении рассеянных поселений в Европе, первый из которых связан с позднеримским временем и началом Средневековья (расселение, связанное с виллами), второй приходится на развитое Средневековье и связан с процессом феодализации и широкомасштабного строительства замков (инкастелламенто).

К середине 1990-х гг. относятся также два важных сборника статей, посвященных изучению сельских раннесредневековых поселений в Европе [*Europe Between Late Antiquity*, 1995; *L'habitat rural*, 1995]. В первом, вышедшем под редакцией Дж. Бинтлиффа и Х. Хамеров, публикуются материалы докладов конференции по поселенческой археологии Западной и Южной Европы, прошедшей в Дареме в 1993 г. Основные дискуссии были посвящены проблеме перехода от Античности к Средневековью, насчет чего существует две основные концепции — культурной преемственности (континуитета) и резкой смены культур (дисконтинуитета). Вопросы преемственности в расселении варваров на территории Европы рассматривались в статьях Г. Хальзалла [*Europe Between Late Antiquity*, 1995, p. 38–57], К. Скала [*Ibid.* P. 71–83], К. Ловелука [*Ibid.* P. 84–98], Н. Кристи [*Ibid.* P. 99–110]. Для нашей темы наиболее интересна статья Х. Хамеров [*Ibid.* P. 8–37], посвященная классификации форм раннесредневековых поселений в Северо-Западной Европе, более подробно разбираемая в крупном монографическом исследовании данного автора, которое приводится ниже. Некоторые статьи в данном сборнике написаны в духе ландшафтной археологии и также рассматриваются в соответствующем разделе.

В 1995 г. в Руане вышел сборник статей по итогам 14-й Международной конференции по мерovingской археологии, организованной одноименной ассоциацией. Этот сборник под редакцией К. Лорана и П. Перена был опубликован в качестве 6-го тома трудов Французской ассоциации по археологии мерovingского периода (AFAM). Вошедшие в него статьи касались изучения сельских поселений в разных уголках Западной Европы [*L'habitat rural*, 1995], количество которых неуклонно возрастает с расширением охранных археологических исследований. Накопление новых данных позволило редакторам сборника пересмотреть старый тезис Р. Фоссье и Ж. Шапело о возникновении стабильных поселений типа деревни лишь в развитом Средневековье и отнести этот процесс к более раннему мерovingскому времени [*Ibid.* P. XIII–XIV]. Дискуссии на этот счет не утихают до сих пор, одно из последних обобщений взглядов историков и археологов на процесс формирования деревенских поселений содержится в статье М. Ватто [*Watteaux*, 2003].

Открывает сборник статья Э. Пейтреманн «Сооружения на сельском поселении эпохи раннего Средневековья во Франции (V–X вв.)», которая подводит итог археологическим раскопкам на поселениях с 1950-х гг. [*L'habitat rural*, 1995, p. 1–28]. Автор подчеркивает, что если к 1950 г. во Франции было известно 10 поселений эпохи раннего Средневековья, с 1950 по 1970 гг. открыто еще 7, то с 1970 по 1980 г. изучено 11, а с 1980 г. — 27 новых поселенческих памятников [*Ibid.* P. 1]. Это связано в основном с охранными раскопками, которые дали новые сведения, позволяющие пересмотреть старые концепции и создать первые региональные обобщения данных по поселениям. В рассматриваемой статье обобщаются сведения о 155 раннесредневековых поселениях, собранных по публикациям.

Территория Иль-де-Франс считается наилучшим образом изученной во Франции в плане поселенческой археологии раннего Средневековья, поэтому неудивительно, что большинство работ

посвящено именно этому региону. Так, П. ван Оссель знакомит читателя с особенностями гражданской, военной и городской организации территории в позднеримский период [Ibid. P. 63–79]. История вторичных агломераций на протяжении всего раннего и развитого Средневековья приводится в работе Л. Буржуа [Ibid. P. 81–102]. Религиозные сооружения на поселениях и некрополях VI–IX вв. рассматриваются Д. Жигано [Ibid. P. 103–108]. Публикуются результаты раскопок отдельных памятников: Ле-Диз-Уит-Арпен (Н. Буше) [Ibid. P. 109–112], Сен-Клемент-ля-Бишер (А. Кёлер) [Ibid. P. 113–120], л'Арпан Фере (Ф. Жентили и Н. Урлир) [Ibid. P. 121–133], Пойни (Ж. Руазо) [Ibid. P. 135–138] и Ле Руэлль (Б. Фукрэ и Ф. Жентили) [Ibid. P. 139–143] (Les-Dix-Huit-Arpents, Saint-Clément-la-Bichère, l'Arpent-Ferre, Poigny, Les Ruelles).

Несколько публикаций касаются материалов раскопок с поселений Нормандии (Ф. Каре и М. Гийон, П. Куанон и Н. Форфе) [Ibid. P. 145–158, 159–166], долины Луары (Ж. Бродер и К. Тори) [Ibid. P. 167–174], Шампани (Н. Бего-Тао и М. Жорж-Леруа) [Ibid. P. 175–183], Бургундии (И. Каттедю) [Ibid. P. 185–192].

В заключении публикуется серия статей, посвященных региональным обобщениям сведений о раннесредневековых поселениях во Франции и других странах. Данные о сельских поселениях Средиземноморской Галлии собрали К. Мерсье и К. Райно [Ibid. P. 193–206], обобщив некоторые общие черты в динамике заселения и особенностях расселения на концентрированных поселениях, поздних виллах и в гротах. Более подробно рассмотрен пример поселения Дассаргю у Люнелуа (Dassargues). Ф. Теувс знакомит франкоязычного читателя с динамикой организации сельских поселений на Нижнем Рейне [Ibid. P. 207–212]. Рассматривается динамика заселения территории Северной Бельгии от IV до XIII в. с привлечением данных с поселения Доммелен (Dommelen) и некрополя Гельдроп (Geldrop). А. Ниссан Жобер подводит итоги изучения сельских поселений 200–1200 гг. в Дании, сосредотачивая основное свое внимание на проблеме перемещающихся поселений и формирования постоянных поселков наподобие деревень [Nissen Jaubert, 1995]. Главными в анализе изменения способа расселения с эпохи раннего железного века до развитого Средневековья остаются материалы поселения Форбасс. Уделяется внимание развитию во времени длинных домов в виде столбовых построек. Основной вопрос, который решается автором, заключается в определении причин перехода от перемещающейся в пространстве деревни III в. н.э. к стационарному поселку 950–1200 гг., которые автор видит в интенсификации сельского хозяйства [Ibid. P. 220].

Завершает сборник статья А. Додд и Э. Мак Адам о сельских поселениях Англии эпохи англосаксов [Ibid. P. 223–234]. Авторы констатируют, что поселенческая археология раннего Средневековья в Англии очень молодая и насчитывает всего 20 лет, однако за этот период было раскопано немало поселений. Рассматриваются особенности известных англосаксонских поселений, как правило, включающих столбовые постройки и заглубленные полужемлянки. Основное содержание составляет каталог с краткими сведениями о главных поселенческих памятниках в Англии: поселений Макинг, Чэлтон, Вест Стоу, Барроу Хиллз, Бартон Курт Фарм, Яверинг и др. (Mucking, Chalton, West Stow, Barrow Hills, Barton Court Farm, Yeavinger).

Таким образом, во второй половине 1990-х гг. осуществился переход от широких обобщений и реконструкций, сделанных на основе немногочисленных раскопанных поселений, к региональным реконструкциям и моделям, базирующимся на гораздо более солидных археологических данных. Исследователи отходят от прямолинейных концепций смены рассеянных хуторов концентрированными поселениями и перемещающихся поселков стационарными деревнями, демонстрируя сложность и неоднородность поселенческих структур даже в рамках одного исследуемого региона.

Региональные исследования, проводимые в разных европейских странах, продолжились с началом 2000-х гг. В это время появляются новые работы по реконструкции системы расселения разных племен в эпоху раннего Средневековья, в основном базирующиеся на материалах хорошо исследованных регионов. Одним из таких регионов является Юго-Западная Германия (земля Баден-Вюртемберг), где на протяжении XX столетия были выявлены и изучены многочисленные поселенческие памятники аламаннов и франков. Именно поэтому данный регион является эталонным для проведения анализа системы расселения германцев в рассматриваемую эпоху. За последние годы вышло в свет несколько крупных монографических работ, среди которых следует назвать исследования М. Хёпера, Д. Кваста и Р. Шрега. В монографии М. Хёпера [Hoerger, 2001] анализируется система расселения аламаннов в области Брейзгау в I тыс. н.э. Автором рассматриваются три основные модели расселения: на поселениях с постоянным местом обитания, на перемещающихся со временем поселениях